

Кто памятник воздвиг поэту?

Пушкинский конкурс в обзорах «Гражданина» (1872–1874)

О. В. Захарова

Петрозаводский государственный университет

(г. Петрозаводск, Российская Федерация)

e-mail: ovzakh05@yandex.ru

Аннотация. В раздумьях о смерти А. С. Пушкин мало ценил рукотворные монументы и медные истуканы, его вдохновляла идея «нерукотворного» памятника, который был бы вечен и воскресал бы снова и снова в душе каждого читателя. Первым рукотворным памятником Пушкину стал всем известный надгробный монумент в некрополе Святогорского монастыря (1841). В 1850–1860-х гг. в обществе постоянно звучали призывы поставить поэту народный памятник в России. В ходе дискуссии местом памятника была выбрана Москва, возле Страстного монастыря. Почитание памяти поэта и обсуждение проектов его памятника нашли отражение на страницах еженедельника «Гражданин», редактируемого Ф. Достоевским. В апреле 1873 г. в издании были опубликованы два обзора первой выставки моделей памятника Пушкина. На конкурс было подано 15 проектов. Авторы статей представили критический анализ всех проектов, отмечая их достоинства и недостатки. Публицисты были безжалостны к неудачным проектам. Им не нравились шаблонные решения. Общим мнением стала отрицательная оценка конкурсных моделей. Тем же приговором закончился и обзор второй выставки проектов памятников Пушкина, который был опубликован в девятнадцатом номере «Гражданина» за 1874 г. Оба конкурса фактически были выбором без выбора. Лишь в третьем конкурсе 1875 г. определился победитель — памятник Пушкину работы А. Опекушина, который был открыт 6 июня 1880 г. Обзоры моделей и их критика составили важное содержание пушкинской темы еженедельника «Гражданин». Они не только характеризовали медийный аспект рецепции Пушкина в России, но и имели большое политическое и общественное значение. На сооружение памятника граждане России и читатели «Гражданина» собрали народные деньги. Во время открытия памятника были высказаны идеи, которые до сих пор определяют будущее России. Суждения авторов статей и редакторов «Гражданина» В. Мещерского и Ф. Достоевского подымали статус полемики и в конечном счете способствовали триумфу Пушкинского праздника 1880 г. Так складывалась концепция праздника как исторического события, концепция Пушкина — поэта, пророка и «всечеловека».

Ключевые слова: Пушкин, памятник, скульптура, выставка, Гражданин, Ф. М. Достоевский, художественная критика, память

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 24-18-00785 «"Гражданин" Достоевского: концепция, полемика, агрибуция, исследование (1872–1874)", <https://rscf.ru/project/24-18-00785/>).

Для цитирования: Захарова О. В. Кто памятник воздвиг поэту? Пушкинский конкурс в обзорах «Гражданина» (1872–1874) // *Неизвестный Достоевский*. 2024. Т. 11. № 4. С. 274–297. DOI: 10.15393/j10.art.2024.7741. EDN: UNJRPX (In Russ.)

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2024.7741

EDN: UNJRPX

Who Erected the Monument to the Poet? Pushkin Competition in Reviews of “Grazhdanin” (“The Citizen”) for 1872–1874

Olga V. Zakharova

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: ovzakh05@yandex.ru

Abstract. In his reflections on death, A. S. Pushkin did not appreciate man-made monuments and copper idols, he was inspired by the idea of a “non-man-made” monument that would be eternal, resurrecting time and time again in every reader’s soul. The first man-made monument to Pushkin was the well-known tombstone monument in the necropolis of the Svyatogorsk Monastery (1841). In the 1850s and 1860s, there were constant public pleas to erect a national monument to the poet in Russia. In the course of the discussion, the site near the Holy Monastery in Moscow was chosen for the moment. The veneration of the poet’s memory and the discussion of the projects of his monument were reflected in the pages of the weekly “The Citizen,” edited by F. Dostoevsky. In April 1873, two reviews of the first exhibition of Pushkin monument models were published in the weekly. 15 projects were submitted for the competition. The authors of the published articles presented a critical analysis of all the projects, noting their advantages and disadvantages. Critics were ruthless towards unsuccessful projects. They didn’t like boilerplate solutions. The models received a generally negative assessment. The review of the second exhibition of Pushkin’s monument projects, which was published in the 19th issue of *The Citizen* in 1874, ended with the same verdict. Both contests were actually a no-choice choice. It was only in the third competition in 1875 that the winner — A. Opekushin’s monument to Pushkin was determined, and it subsequently was opened on June 6, 1880. Reviews of models and their criticism constituted an important portion of the Pushkin-themed content of the weekly “The Citizen.” They not only characterized the media aspect of Pushkin’s reception in Russia, but also had great political and social significance. The citizens of Russia and the readers of “*Citizen*” collected people’s money for the construction of the monument. During the unveiling of the monument, ideas were expressed that still determine the future of Russia. The opinions of the authors of the articles and editors of *The Citizen* V. Meshchersky and F. Dostoevsky raised the status of polemics and ultimately contributed to the triumph of the Pushkin Holiday in 1880. This is how the concept of the holiday as a historical event and the concept of Pushkin as a poet, prophet and “vsechelovek” (“panhuman”) developed.

Keywords: Pushkin, monument, sculpture, exhibition, *Grazhdanin*, *The Citizen*, F. M. Dostoevsky, art criticism, memory

Acknowledgments. The research was carried with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project number 24-18-00785 ““The Citizen” by Dostoevsky: Concept, Controversy, Attribution, Research (1872–1874)”, <https://rscf.ru/project/24-18-00785/>).

For citation: Zakharova O. V. Who Erected the Monument to the Poet? Pushkin Competition in Reviews of “*Grazhdanin*” (“*The Citizen*”) for 1872–1874. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2024, vol. 11, no. 4, pp. 274–297. DOI: 10.15393/j10.art.2024.7741. EDN: UNJRPX (In Russ.)

У А. С. Пушкина была своя идея «нерукотворного» памятника, которую он высказал в переводе стихотворения Горация «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Ему были не нужны рукотворные монументы и медные истуканы. Его памятник вечен и воскресает в душе каждого читателя.

Первым идею создания рукотворного памятника Пушкину в свое время высказал Василий Жуковский, который вскоре после гибели поэта обратился к Николаю Первому с просьбой установить памятник в селе Михайловском. Работы по изготовлению памятника велись Пушкинской опекой по поручению Натальи Николаевны Пушкиной, и летом 1841 г. он был поставлен в некрополе Святогорского монастыря [Гдалин, Иванова: 357]. Этот известный всем монумент и стал первым рукотворным памятником поэту.

В 1855 г. с инициативой установки общественного памятника выступила группа из восьмидесяти двух чиновников Министерства иностранных дел. В докладной записке они сообщали:

«Памятники, воздвигнутые уже Ломоносову, Карамзину и Крылову, свидетельствуют, что мы, **Русские**, подобно всем **просвещенным народам, признательны к плодотворным заслугам** наших великих писателей; в отношении, однако, гениальнейшего из наших **поэтов, пробудившего дивными песнями столько прекрасных чувств и стремлений в соотечественниках, столько сделавшего для Русского слова, эта признательность не имеет пока внешнего выражения**: Пушкину не поставлено еще памятника!» (выделено мной. — О. З.) (цит. по: [Левитт: 46]).

Фраза: «У Пушкина нѣтъ памятника!» — стала лейтмотивом «монументной» темы Пушкина.

В 1859 г. эти слова напомнила Надежда Кохановская в очерке «Степной цветок на могилу Пушкина», опубликованном в журнале «Русская Беседа»: «У Пушкина нѣтъ памятника!»¹. Она сокрушалась: «...неужели пройдет это двадцатипятилѣтіе со дня смерти Пушкина, и, въ стыдъ себѣ, наша общественная благодарность ничѣмъ не поклонится на могилу роднаго великаго поэта?»².

Выпускники Царскосельского лицея получили отказ в установке памятника Пушкину в Царском Селе на казенные деньги, но им разрешили объявить сбор средств на памятник по подписке.

Первоначально памятник должен был стоять в Летнем саду. Объявления появились в газетах и журналах. Печатались имена жертвователей и сумма пожертвования. Была открыта подписка на памятник по всей России, и за первые 10 лет собрали 17 114 рублей. 19 октября 1869 г. вопрос о памятнике

¹ Кохановская Н. Степной цветок на могилу Пушкина // Русская Беседа. 1859. Кн. 17. Т. 5. С. 55.

² Там же.

поднял К. К. Грот, предложив назначить особый комитет, который и был утвержден весной 1871 г.

Комитет для сооружения памятника Пушкину старательно взялся за дело: были напечатаны специальные книжки для регистрации пожертвований и организована система рассылки их по ведомствам и регионам. Комитет предложил перенести памятник в Москву, так как это давало право претендовать на общенародный статус. К. К. Грот в письме И. А. Лямину от 3 февраля 1872 г. предложил Московской городской Думе выделить площадку в конце Тверского бульвара для установки памятника Пушкину. Было предоставлено два варианта: «...край Тверского бульвара напротив Страстного монастыря или вдоль Страстного бульвара на сквере перед зданием монастыря»³.

В середине 1872 г. был объявлен первый открытый конкурс на проект памятника, однако жюри не смогло выбрать ни один проект. К 1873 г. удалось собрать 60 тысяч рублей. Второй конкурс был проведен в 1874 г., но и он не выявил победителя. Третий конкурс, в котором победил скульптор А. М. Опекушин, состоялся в 1875 г. К этому времени собрали 106 575 рублей и 10 копеек, из них на памятник ушел 86 761 рубль и 53 копейки. На оставшиеся деньги учредили Пушкинскую премию РАН, издали «Дешевую Пушкинскую библиотеку»⁴.

Почитание памяти поэта и обсуждение конкурса проектов памятника Пушкину нашли отражение на страницах редактируемого Ф. М. Достоевским издания. В № 16 за 1872 г. еженедельника «Гражданин», еще до прихода Достоевского, И. Ю. Некрасов, печатавшийся под псевдонимом «Москвич», сообщил, что памятник решено поставить «у начала Тверскаго бульвара, отъ Страшнаго монастыря» (*Гр.* 1872. № 16. С. 555). Он выразил надежду, что на фигуре поэта не появится ни римская тога, ни греческая мантия, иначе это «быль-бы лжеклассицизмъ, отъ котораго русскую литературу окончательно освободилъ Пушкинъ» (*Гр.* 1872. № 16. С. 555).

26 марта 1873 г. в «Петербургском обозрении», которое вел в «Гражданине» князь Мещерский, сказано, что место для памятника Пушкина напротив Страстного монастыря выбрано не случайно: поэт любил здесь «прогуливаться во всякое время года» (*Гр.* 1873. № 13. С. 397). Обозреватель сетует, что денег на памятник Пушкина собрано мало, «сравнительно съ тѣмъ, что было для Россіи Пушкинъ», памятник «долженъ строиться на гроши, вымоленные кое-гдѣ и кое-къмъ» (*Гр.* 1873. № 13. С. 397). Он резюмирует: «Народнаго

³ Главархив Москвы рассказывает об истории памятника Александру Пушкину в Москве // Главархив Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://cgamos.ru/news/e37568/> (10.09.2024).

⁴ Митрофанов А. Памятник Пушкину: краудфандинг был и XIX веке, хотя слова такого не было // МИЛОСЕРДИЕ.RU: В этом мире есть любовь. Православный портал о благотворительности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/pamyatnik-pushkinu-kraudfanding-byi-i-xix-veke-hotya-slova-takogo-ne-bylo/> (10.09.2024).

туть участія нѣтъ» (Гр. 1873. № 13. С. 397). Такое же грустное впечатление на автора произвели модели, которые доказывали, что «Пушкинъ столько же чуждъ своему народу, сколько "Бова Королевичъ" ему родной!» (Гр. 1873. № 13. С. 397). Это мнение станет общим местом при обсуждении выставки в «Гражданине».

В апреле 1873 г. в еженедельнике были опубликованы два обзора выставок проектов памятника Пушкина. Как справедливо отметила О. В. Седельникова, они написаны разными людьми: «На это указывают и противоположность отдельных оценок одних и тех же макетов (особенно в отношении № 8), и структура публикаций, и характерные стилевые особенности» [Седельникова: 197].

Первая статья «Несколько слов по поводу выставки проектов памятника Пушкину» вышла 2 апреля и подписана криптонимом «А.». В. А. Викторovich атрибутирует ее А. Н. Майкову. Он приводит следующие доводы: «В вопросах художественной критики в кругу "Гражданина", кроме самого редактора, сильны были Н. Н. Страхов и А. Н. Майков. Первому принадлежит статья на ту же тему в № 17. Данная статья обличает вкус и критическую манеру А. Н. Майкова. Ср. его статью "Мраморная группа Рафаэля в Эрмитаже" (Гр. 1872. 20 ноября. № 29), подписанную более привычным для него криптонимом "А. М.". Ему в особенности близко выраженное в атрибутируемой статье понимание самобытности поэзии Пушкина как "простоты мысли"» [Викторovich: 329]. Впрочем, вопрос нуждается в дальнейшем обсуждении и уточнении.

В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова нет такого криптонима А. Н. Майкова [Масанов]. В списке авторов, которые публиковались под криптонимом «А.», у Масанова отмечен Алексей Николаевич Апухтин, под этим криптонимом он публиковал стихи в «Гражданине» 1870-х гг. По свидетельству Модеста Ильича Чайковского, Апухтин принимал самое живое участие в сборе средств: «...щепетильный во всякихъ разговорахъ о деньгахъ — онъ суетится, ѣздитъ, проситъ, чтобы собрать сумму на памятникъ Пушкину и къ 400 р. своей коллекты присоединяетъ изъ своихъ, по его собственному выраженію, "ограниченныхъ средствъ" — 100 рублей»⁵. В письме П. И. Чайковскому из Петербурга 6 июня 1880 года Апухтин выразил горькую обиду, что его не пригласили на Пушкинский праздник:

«Въ этотъ знаменитый день, пока на бульварѣ сердца Россіи М. и Г.⁶ открывали плохой памятникъ великому поэту, приче́мъ ругались и дрались "по

⁵ Чайковский М. Алексей Николаевич Апухтин: биограф. очерк // Апухтин А. Н. Соч.: в 2 т. СПб., 1895. Т. 1. С. XVIII–XIX.

⁶ Возможную расшифровку инициалов «М. и Г.» предложила Р. В. Иезуитова. Она отметила, что «под "г. М." Апухтин явно подразумевает А. Н. Майкова, стихотворение которого, написанное ко дню открытия памятника Пушкину ("Пусть сбирала и скрепляла"), было прочитано на обеде в Благородном собрании 6 июня 1880 г. Господин Г. — видимо, Я. К. Грот, член комиссии по сооружению памятника» [Иезуитова: 341].

маленькой", чтобы не потерять привычки, бѣдный, всѣми забытый поэтъ Апухтинъ сидѣлъ на своемъ диванѣ и томился размышленіями самаго грустнаго свойства. Онъ думалъ, что имѣетъ не меньше правъ принять участіе въ праздникѣ. Во-первыхъ, онъ съ дѣтскихъ лѣтъ обожалъ и зналъ наизусть любимаго поэта. Затѣмъ, когда М. и Г., вслѣдъ за Писаревымъ, глумились и издѣвались надъ великой тѣнью, Апухтинъ всѣми силами защищалъ вышедшее тогда изъ *моды* и поруганное знамя»⁷.

Криптонимом «А.» в № 8 «Гражданина» от 18 апреля 1874 г. подписана еще одна публикация — статья «По поводу обеда севастопольцев», которую В. А. Викторovich с некоторой долей сомнения атрибутирует Андрею Васильевичу Фрейгангу [Викторovich: 403]. Необходимо дальнейшее изучение вопроса.

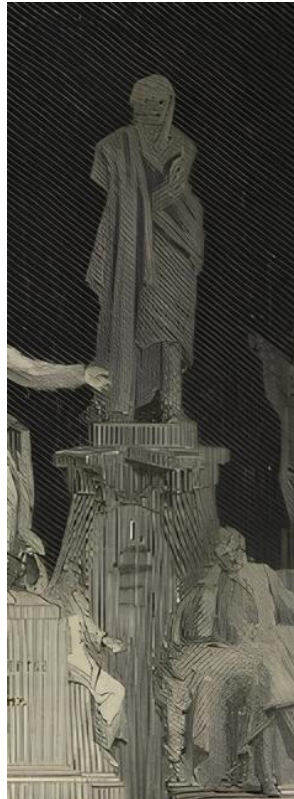

Илл. 1. Выставка моделей памятника А. С. Пушкину
(«Всемирная иллюстрация». 1873. № 225. С. 269)

Fig. 1. Exhibition of models of the monument to A. S. Pushkin
(“Vsemirnaya illyustratsiya”. 1873, No. 225, p. 269)

⁷ Чайковский М. Алексей Николаевич Апухтин: биограф. очерк // Апухтин А. Н. Соч.: в 2 т. СПб., 1895. Т. 1. С. XIX–XX.

За несколько месяцев на конкурс было подано 15 проектов. Скульпторам была предоставлена полная свобода творчества. Единственным условием стало требование, чтобы все памятники были в скульптурном исполнении. По мнению автора статьи, это было сделано «для избѣжанія тѣхъ странныхъ явленій, что талантливыми виньеточными рисунками приобрѣтали право на сооруженіе памятниковъ такіе художники, которые для исполненія должны были прибѣгать къ чужимъ знаніямъ, и тѣмъ эксплуатировали молодые таланты скульптуры, не успѣвшіе добыть себѣ извѣстность» (Гр. 1873. № 14. С. 456).

Илл. 2. Первая модель памятника А. С. Пушкину

Fig. 2. The first model of the monument to A. S. Pushkin

*Илл. 3. Вторая модель памятника
А. С. Пушкину*

*Fig. 3. The second model
of the monument to A. S. Pushkin*

*Илл. 4. Третья модель памятника
А. С. Пушкину*

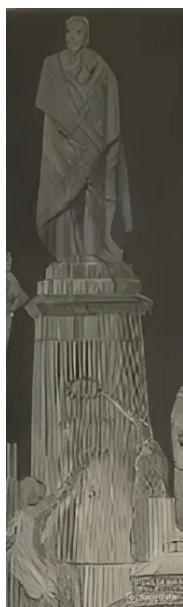
*Fig. 4. The third model
of the monument to A. S. Pushkin*

Илл. 5. Четвертая модель памятника А. С. Пушкину

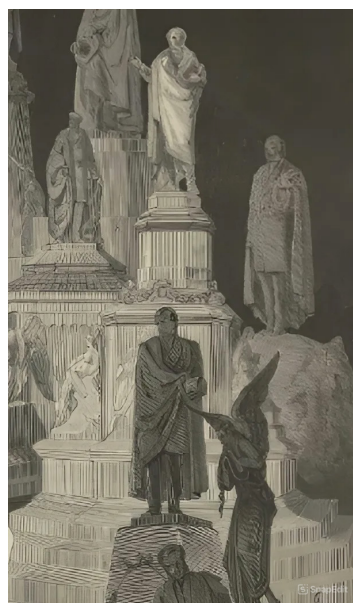
Fig. 5. The fourth model of the monument to A. S. Pushkin

Автор статьи не останавливается на разборе моделей под номерами 1, 2, 3, 4, так как «их наивное исполнение ставит их вне серьезной критики» (Гр. 1873. № 14. С. 456), кратко описывает 5, 6 и 7 модели. Пятая модель вызывает недоумение: на «очень высокой четырехугольной колонне, к которой русский мужик прибавляет венок, а девушка пишет надпись» стоит «фигура, завернутая в плащ» (Гр. 1873. № 14. С. 456). Не понятна автору обзора шестая модель, которая «представляет стоячую фигуру, с угрожающим жестом, держащую лиру» на пьедестале, который украшают три барельефные группы «со своими музами, окруженными солдатами и мальчиками, неизвестно что делающими» (Гр. 1873. № 14. С. 457). Ошибку ремесла обозреватель увидел на седьмой модели, где изображена «фигура, сидящая на базе колонны, с пегасом»: «при исполнении в большом виде, снизу фигуру, стоящую таким образом, едва можно будет видеть, а если и заметишь ее, то голова будет казаться привязанною к ногам» (Гр. 1873. № 14. С. 457).

Илл. 6. Пятая модель памятника

Fig. 6. The fifth model of the monument

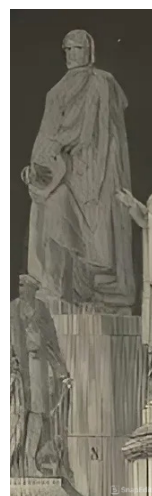
Илл. 7. Шестая модель памятника

Fig. 7. The sixth model of the monument

Илл. 8. Седьмая модель памятника

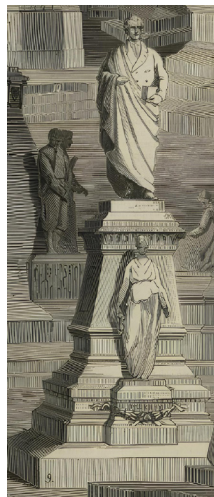
Fig. 8. The seventh model of the monument

Илл. 9. Восьмая модель памятника

Fig. 9. The eighth model of the monument

По мнению автора статьи, на восьмой модели удачно поставлена фигура поэта, но общее впечатление портит выдвинутая вперед нога, которая создаст сложности при соединении с пьедесталом, удивляет «странный» выбор сюжетов для барельефа: «Донны-Анны» и «Фауста» (Гр. 1873. № 14. С. 457).

Илл. 10. Девятая модель памятника
Fig. 10. The ninth model of the monument

В девятой модели вызывает недоумение фигура модели: «одѣтый въ сюртукъ и завернутый въ тогу» Пушкин стоит на «пьедестальчике», «вкусно» украшенном «безчисленнымъ множествомъ карнизовъ, съ двумя почти висящими фигурами спереди безъ движенія, музы сзади, таковымъ же "Борисомъ", а съ боковъ двумя барельефами» (Гр. 1873. № 14. С. 457).

Илл. 11. Десятая модель памятника
Fig. 11. The tenth model of the monument

Разочарование вызывает «очень большой, сложный, чисто отфланканный и даже на первый взгляд отчасти удовлетворяющий своею линією» десятый проект (*Гр.* 1873. № 14. С. 457). На этой модели Пушкин, «сидя въ креслѣ въ позѣ евангелиста, простираетъ руку къ небесамъ. Съ лѣвой стороны муза поэзіи съ лирою, которую не знаетъ куда дѣтъ, послѣ такого пассажа главной фигуры. Справа, муза исторіи вписываетъ въ длинный свертокъ пергамента подробное описаніе пьедестала, состоящаго изъ восьмиугольнаго камня, украшеннаго престранными орнаментами и группами фигуръ на каждой изъ меньшихъ сторонъ» (*Гр.* 1873. № 14. С. 457). В них узнаются «Кавказскій Плѣнникъ», «Русланъ и Людмила», «Мазепа и Марія», «Евгеній» съ «Татьяною». Критикъ делаетъ выводъ, что «остается только пожалѣть истраченнаго труда и большаго прилежанія на изобрѣтеніе подобныхъ композицій и на исполненіе ихъ съ такимъ аккуратнымъ вылизываніемъ» (*Гр.* 1873. № 14. С. 457).

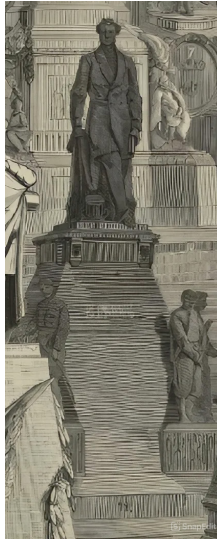

Илл. 12. Одиннадцатая модель памятника

Fig. 12. The eleventh model of the monument

С ироніей авторъ статьи описываетъ одиннадцатую «аляповатую модель копилки изъ гостинаго двора», которая содержитъ «много крыльевъ и много головъ поднятыхъ вверхъ, много книгъ и еще больше черепицы, а въ сущности ничего» (*Гр.* 1873. № 14. С. 457).

Борьба за премию развернется, по мнѣнію автора, между проектами под 12, 13, 14 и 15 номерами. Онъ предполагаетъ, что три послѣднихъ выполнены однимъ мастеромъ. Тринадцатая и пятнадцатая модели имеютъ «однѣ и тѣ же главныя фигуры, та же манера и то же мастерство» (*Гр.* 1873. № 14. С. 457).

Илл. 13. Двенадцатая модель памятника

Fig. 13. The twelfth model of the monument

Характеризуя двенадцатую модель, автор выделяет оригинальный пьедестал, постановку главной фигуры, «которая представляет Пушкина въ сюртукѣ, безъ всякихъ тогъ, плащей, въ простой и естественной позѣ, опершись на сколокъ украшенный барельефомъ, изображающимъ русскій эпосъ — въ видѣ старушки няни сказывающей сказки своему питомцу» (Гр. 1873. № 14. С. 457). Этот барельеф выражает «тѣ первые уроки поэзіи, которыми пользовалась впечатлительная натура нашего поэта въ дѣтствѣ, выслушивавшаго въ длинные зимніе вечера изъ устъ своей дорогой няни былины, сказки и народныя пѣсни» (Гр. 1873. № 14. С. 457). Неудовлетворителен другой барельеф, «не особенно удавшійся, изображающій романтическую поэзію, какъ одинъ изъ характерныхъ элементовъ его творчества»: на каждом углу группы из «Онѣгина», «Бориса Годунова», «Полтавы» и «Цыганъ», под каждой из них «подпись вязаннымъ славянскимъ шрифтомъ, объясняющая стихъ» (Гр. 1873. № 14. С. 457). Другое замечание касается красного цвета пьедестала, который не сочетается с бронзовыми группами и мешает соединению с главной фигурой поэта. Однако этот проект «вполнѣ достоинъ похвалы и дѣлаетъ честь автору» (Гр. 1873. № 14. С. 457).

Илл. 14. Тринадцатая модель памятника

Fig. 14. The thirteenth model of the monument

Тринадцатый проект, по мнению автора статьи, грациозен и великолепен по технике исполнения и богатству фантазии, хотя он проигрывает оригинальности, простоте в движениях фигур и мысли в композиции двенадцатой модели. Критик отмечает театральность позы Пушкина, который закутан «въ альмавиву съ сложенными на крестъ руками» и похож скорее на Байрона. Та же театральность присуща фигурам на «удлиненной четырехугольной пирамидѣ», впечатления от которой портит «симметричность въ линияхъ движениа, при такой близкой постановкѣ группъ» (Гр. 1873. № 14. С. 458).

Илл. 15. Четырнадцатая модель памятника

Fig. 15. The fourteenth model of the monument

Сидящий в задумчивой позе Пушкин и играющая над ним на лире муза четырнадцатой модели по своей композиции напоминают обозревателю «кабинетное украшение» в виде статуэтки (Гр. 1873. № 14. С. 458).

Илл. 16. Пятнадцатая модель памятника

Fig. 16. The fifteenth model of the monument

Самым поэтичным и самым простым решением является пятнадцатая модель. Она имеет те же недостатки, что и тринадцатая модель: поза поэта «театральна, утверждена на скаль, на лѣвомъ уступѣ которой расположилась играющая на лирѣ муза поэзіи, а по правой брошена гирлянда; все это очень мило и поэтично» (Гр. 1873. № 14. С. 458). Зритель сразу отгадает, что «это памятникъ поэту, но какому изъ нихъ, ничто не подсказываетъ». Главный недостаток этой композиции состоит в том, что «въ ней нѣтъ ничего индивидуально относящагося къ тому поэту, которому памятникъ поставленъ. А намъ нужно проектъ памятника Александра Сергѣевича Пушкина, первого русскаго народнаго поэта» (Гр. 1873. № 14. С. 458).

По мнению автора статьи, достойны победы двенадцатый и тринадцатый проекты. Двенадцатая модель имеет «въ композиціи оригинальность, простоту мысли, характеризующую самобытность поэта»; красота и техника исполнения есть у тринадцатой модели (Гр. 1873. № 14. С. 458).

Через три недели в № 17 еженедельника от 23 апреля была опубликована вторая статья «Еще о выставке моделей на памятник Пушкину», которая подписана псевдонимом «Ignoto» (данный псевдоним встречается в «Гражданине» единственный раз), что на латинском языке обозначает «неизвестный, неведомый». В. А. Викторovich атрибутирует ее Н. Н. Страхову. По его

мнению, «принадлежность статьи определяется сходством основных ее положений с выступлением Н. Н. Страхова во "Всемирной иллюстрации" (1874) по поводу второго конкурса проектов памятника Пушкину» [Викторович, 2019: 331]. В подтверждение этой атрибуции исследователь сравнивает главное требование к памятнику, которое сформулировано в статье («...слишком сложная композиция <...> неуместна и не соответствует своей цели»), со статьей Страхова во «Всемирной иллюстрации»: «...фигура должна быть самая простая» [Викторович, 2019: 331]. Еще один аргумент В. А. Викторовича — письмо Достоевского к Страхову от 17 апреля 1873 г., в котором поставлен вопрос: «А не будет ли еще 3-й статейки?» (цит. по: [Буданова: 114]). Исследователь полагает, что Страхов выполнил просьбу Достоевского, а «две другие "статьки" — идущие следом в том же номере рецензии на книгу П. В. Анненкова о Пушкине и на сборник "Природа"»: «Соседствующие статьи о памятнике Пушкину и о биографии поэта хорошо дополняли друг друга, а в генетическом аспекте их "общность" доказывает, что обе "пушкинские" статьи порождены были одним творческим импульсом, мыслью о современном восприятии личности поэта» [Викторович, 2019: 331]. Однако в списке псевдонимов Страхова отсутствует «Ignoto». Не включили данную статью в список сочинений критика составители библиографического указателя «Николай Николаевич Страхов: философ, литературный критик, переводчик» [Страхов]. О. В. Седельникова предполагает, что автором статьи может быть А. Н. Майков: «Ее, как и все статьи Майкова, отличают выверенная композиция, логичность развития авторской мысли, обоснованность суждений и яркость стиля» [Седельникова: 198]. На мой взгляд, вопрос принадлежности этой статьи открыт.

В начале статьи в «Гражданине» автор констатирует отсутствие интереса к обсуждению проекта в обществе, зала «почти постоянно оставалась пустою, лишь изрѣдка оживляясь появленіемъ немногихъ записныхъ любителей искусства», печать же напротив отозвалась на призыв комитета: «...почти всѣ наши газеты поспѣшили помѣстить на страницахъ свои отзывы о представленныхъ моделяхъ» (*Гр.* 1873. № 17. С. 518). Однако эти оценки сводятся к тому, «что за исключеніемъ трехъ-четырехъ проектовъ, остальные модели просто никуда не годятся и способны дать каждому самое невысокое понятіе о современномъ состояніи у насъ скульптуры» (*Гр.* 1873. № 17. С. 518).

Автор признает долю правды в этих суждениях, хотя общий приговор кажется ему слишком строгим. Перед разбором моделей он считает необходимым дать общие замечания «о томъ, что именно долженъ представлять памятникъ извѣстному поэту или вообще писателю и въ какой мѣрѣ, судя по существующимъ памятникамъ подобнаго рода, удалось искусству выполнить въ этомъ случаѣ свою задачу» (*Гр.* 1873. № 17. С. 518).

Эта эстетическая концепция монумента принадлежит человеку, который получил художественное образование, знаком с трактатом Лессинга «Лаокоон». Автор отмечает:

«Памятникъ, или монументъ, <...> **имѣтъ цѣлью увѣковѣчить** нагляднымъ образомъ **память поэта** и въ то же время служить для отдаленнаго потомства не только доказательствомъ уваженія страны къ таланту и заслугамъ писателя, но и представить собою какъ бы апотеозу послѣдняго. <...> **памятникъ поэту долженъ бы заключать въ себѣ не только возможно похощее изображеніе поэта, но вмѣстѣ и олицетвореніе самой поэзіи**, съ указаніемъ въ то же время характеристики произведеній писателя, значенія его для данной страны и, наконецъ, мѣста, занимаемаго имъ въ ряду другихъ писателей. Но, разумѣтся, это не болѣе какъ прекрасный идеалъ, къ которому искусство должно стремиться всѣми силами, къ которому оно иногда можетъ болѣе или менѣе приближаться, но осуществить его вполнѣ едва-ли въ средствахъ скульптуры. Въ самомъ дѣлѣ, въ состояніи ли искусство, имѣющее такіе ограниченные предѣлы, какъ ваяніе, выразить въ пластическихъ образахъ вполнѣ наглядно и осязательно всѣ характеристическія черты, необходимыя для того, чтобы **въ умѣ зрителя, при первомъ взглядѣ на памятникъ извѣстнаго поэта, тотчасъ сложилось ясное представленіе о его физической и нравственной личности**. Сомнѣваемся въ этомъ. Исторія искусствъ показываетъ намъ, что въ дѣйствительности желанія скульпторовъ, которымъ выпадало на долю выполненіе монументовъ въ этомъ родѣ, были гораздо умѣренѣе и не шли такъ далеко. При производствѣ подобныхъ сооружений, художники обыкновенно ограничиваются изваяніемъ болѣе или менѣе похощей статуи или даже только бюста поэта, причемъ **лицу его почти всегда стараются придать вдохновенное выраженіе**, а для того, чтобы **напомнить зрителю главнѣйшія произведенія писателя, прибѣгаютъ къ барельефамъ и побочнымъ фигурамъ**. Въ такомъ случаѣ задача скульптора значительно упрощается и вся сводится къ тому, чтобы, во первыхъ, при изображеніи того, кому посвящается памятникъ, не теряя сходства, нѣсколько идеализировать его наружность, то есть представить его лицо такимъ, какимъ оно бывало или могло быть въ тѣ свѣтлыя минуты, когда его озаряло вдохновеніе; во вторыхъ, придать изображенію, если эта фигура во весь ростъ, исполненную достоинства и красивую въ скульптурномъ отношеніи позу, и въ третьихъ, выбравъ для барельефа и побочныхъ фигуръ такія произведенія писателя, въ коихъ всего полнѣе выразился его гений, заимствовать изъ нихъ моменты, пригодные для осуществленія въ пластикѣ, съ тѣмъ, чтобы выразить ихъ въ живыхъ и законченныхъ образахъ, понятныхъ съ перваго раза и не требующихъ коментаріевъ или длинныхъ объясненій. Разумѣтся, творческой фантазіи художника представляется широкій просторъ до безконечности варьировать подобную тѣму, но, говоря вообще, чѣмъ болѣе въ памятникѣ единства и простоты, чѣмъ менѣе онъ развлекаетъ вниманіе зрителя въ разныя стороны, тѣмъ, безъ сомнѣнія, онъ лучше. <...> Вообще слишкомъ сложная композиція въ памятникахъ и монументахъ, главная часть которыхъ состоитъ изъ одиночной портретной статуи, по нашему мнѣнію, неумѣстна и не соотвѣтствуетъ своей цѣли <...> Подобнаго рода композиція, рассчитанная на чисто живописные эффекты, только напрасно пестритъ

монументъ и лишаетъ его той строгости и величавой простоты, которыя должны составлять главное достоинство скульптурныхъ сооружений» (выделено мной. — О. 3.) (Гр. 1873. № 17. С. 518–519).

Автор сомневается, что скульптура может дать ясное представление о физической и нравственной личности поэта. Он считает, что скульптор и не стремится к этому. Он приводит примеры европейских памятников писателям и поэтам, открытым в последние годы: Гёте в Мюнхене (открыт 28 августа 1869 г.) и Шиллеру в Берлине (открыт 10 ноября 1871 г.), которые, на его взгляд, нельзя назвать удовлетворительными.

В отличие от автора первой статьи, он делит все модели памятника на три разряда:

«<...> къ первому отнесемъ наиболѣ простые по композиціи проекты, состоящіе всего изъ одной фигуры поэта, съ соотвѣтственными барельефами на пьедесталѣ» (Гр. 1873. № 17. С. 519) (это модели под №№ 1, 4, 7 и 8);

«<...> второй разрядъ составляютъ модели, представляющія двѣ и три фигуры, не считая барельефовъ» (Гр. 1873. № 17. С. 519) (№ 5 (три фигуры), 9 (тоже три фигуры) и № 14 и № 15 (по двѣ фигуры));

«<...> въ третій войдутъ модели болѣ сложной композиціи, состоящія изъ пяти и болѣ отдѣльныхъ фигуръ» (Гр. 1873. № 17. С. 519) (№№ 2, 3, 6, 10, 11, 12 и 13).

Далее следует обстоятельный и профессиональный анализ моделей памятника Пушкину, который совершенно не похож на описание проектов в первой статье. Так, например, первому проекту характерны «неумѣлость, страшное безвкусіе и необыкновенная бѣдность творческой фантазіи» (Гр. 1873. № 17. С. 519). Создателю четвертой модели он советует чтение известного сочинения Лессинга: «Лаокоонъ, или О границахъ живописи и поэзіи» (Гр. 1873. № 17. С. 520). Ему свойственен сарказм: «Воображаемъ, какъ удивительно хороши были бы эти тополи, если бы ихъ сдѣлать въ предположенную художникомъ величину изъ мрамора или изъ гранита!» (Гр. 1873. № 17. С. 519).

Подчас он дает ироничные комментарии. Например, о фигуре Пушкина в пятой модели замечает:

«На верху, на пьедесталѣ, довольно безвкусно аранжированномъ, въ самой казенной позѣ стоитъ фигура, неимѣющая ни малѣйшаго сходства съ Пушкинымъ. Это какой-то чиновникъ изъ семинаристовъ, но никакъ не вдохновенный поэтъ. Ниже, почти у подножія пьедестала, видны двѣ жиденькія плохо вылѣпленныя фигуры — мужичокъ въ рубахѣ и русская баба въ обтянутомъ сарафанѣ. Первый неловко потянулся, чтобы украсить лавровымъ вѣнкомъ начертанную на пьедесталѣ красными буквами надпись: "Пушкину — Россія", а баба, судя по неудачной позѣ, какъ будто желаетъ помешать ему въ этомъ» (Гр. 1873. № 17. С. 520).

Анализируя девятую модель, критик обращает внимание не на образ поэта, а на фигуры, расположенные на барельефе. В них он видит «и вкусъ, и опытную руку», но мысль скульптора, что расположил музу поэзии и Бориса Годунова как пандан, не понятна (Гр. 1873. № 17. С. 520). Его анализ перестит искусствоведческими терминами, такими как «пандан», «кариатида».

Автор статьи умеет прочувствовать искусство, он — знаток и ценитель, который подмечает достоинства и недостатки, может уловить и понять мысль художника. Например, он так описывает четырнадцатую модель:

«Пушкинъ изображенъ сидящимъ въ чрезвычайно простой и натуральной позѣ. Лицо замѣчательно по прекрасной экспрессіи. Онъ какъ будто прислушивается къ чему-то, а выше, нѣсколько наклонившись къ нему, помѣстилась крылатая муза поэзіи, играющая на лирѣ. Мысль очень счастливая, хотя и не совсѣмъ новая, но исполненіе весьма некрасиво съ точки зрѣнія скульптурнаго изваянія. Художнику очевидно хотѣлось изобразить музу летающею, какъ-бы носящеюся надъ головою поэта, но это ему положительно не удалось» (Гр. 1873. № 17. С. 521).

Автор высоко оценил пятнадцатый проект памятника:

«<...> весь проектъ такъ строенъ, такъ богатъ чисто скульптурными красотою и проникнутъ такимъ поэтическимъ чувствомъ, что невольно влечетъ къ себѣ зрителя» (Гр. 1873. № 17. С. 521).

Критик безжалостен к неудачным проектам. Нелепая до смешного фигура Пушкина на второй модели напоминает ему орангутанга:

«Это какой-то уморительный орангутангъ съ исполинскою курчавою головою, во что бы то ни стало желающій придать себѣ серьезное выраженіе» (Гр. 1873. № 17. С. 521).

Соединение в третьем проекте «безобразія и самой наивной нелѣпости» доходит до того, что, по мнению автора, «вмѣсто человѣческихъ фигуръ, представлены какія-то селедки», оно «просто оскорбительно и для нашихъ скульпторовъ, и для публики» (Гр. 1873. № 17. С. 521).

Комична фигура поэта в шестой модели. Фигуры гениев («генія *военнаго эпоса*, генія *драматической и дидактической поэзии* и, наконецъ, генія *идиллической поэзии*») «трактованы въ живописномъ стилѣ, безъ яснаго понятія о законахъ скульптуры: художникъ силился вылѣпить то, что, по свойству своему, можетъ быть изображено только кистью, — отсюда сбивчивость композиціи, бѣдность красивыхъ линій и наклонность къ излишнему драматическому движенію» (Гр. 1873. № 17. С. 521).

Только недостатки отмечает автор статьи в десятом и одиннадцатом проектах.

Один из лучших проектов на выставке — двенадцатая модель. В статье также делается предположение, что тринадцатый и пятнадцатый проекты принадлежат одному художнику:

«Авторъ ихъ — вполнѣ мастеръ своего дѣла, въ этомъ надо отдать ему полную справедливость. Всѣ фигуры его отличаются превосходною лѣпкою, красивымъ рисункомъ и замѣчательною экспрессіею. Къ сожалѣнію, имъ недостаетъ одного — строгости стиля» (Гр. 1873. № 17. С. 522).

Несмотря на главный вывод: «...если смотрѣть на модели съ точки зрѣнія большей или меньшей пригодности ихъ для исполненія, на предназначенномъ мѣстѣ, въ надлежащихъ размѣрахъ, потому что, строго говоря, ни одна изъ нихъ не удовлетворяетъ вполнѣ всѣмъ условіямъ памятника, достойнаго имени любимаго народнаго русскаго поэта», — автор статьи предлагает присудить второстепенные премии восьмому, двенадцатому, тринадцатому, четырнадцатому и пятнадцатому проектам (Гр. 1873. № 17. С. 523).

В № 19 «Гражданина» за 1874 г. была опубликована статья о второй выставке проектов памятников Пушкина «Последние художественные новости». Ее автором является, как предполагает В. А. Викторovich, И. Богданов, который подписался инициалами «И. Б.». Основанием для атрибуции является запись в рабочей тетради Достоевского за 1872–1875 гг. от 1 марта: «*Имѣть въ виду Богданова*», «1^е Март<a>». *Получены двѣ статьи: Богданова о выставкѣ и одной дамы по женскому вопросу*» и др. (РГАЛИ. Ф. 212.1.11. Л. 7, 14; ср.: ДЗ0, 21, 259–260). Под инициалами «И. Б.» ранее в № 16 была опубликована еще одна статья «Нѣсколько словъ о конкурсныхъ проектахъ памятника Пушкину». В. А. Викторovich отмечает ее принадлежность «по сходству криптонима с инициалами И. Богданова, а также учитывая тот факт, что им еще в 1873 г. была написана, но не напечатана статья о выставке проектов памятника Пушкину (см. запись Достоевского: "1-е март<a>. Получены две статьи: *Богданова* о выставкѣ и *одной дамы...*", — а далее: "Богданову отдана" — 21, 260)» [Викторovich, 2019: 424]. Для уточнения атрибуции нужны новые аргументы.

Проблема забвения поэта в России, отсутствия должного почитания его памяти дважды поднимается на страницах «Гражданина» во время редакторства Достоевского. Первый раз в «Еженедельной хронике» («Гражданин», № 38), где Виктор Феофилович Пуцыкович передает рассказ псковскаго корреспондента, который летом 1873 г. оказался в Святогорском монастыре, «гдѣ погребень нашъ любимый поэтъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, составляющій славу и гордость Россіи» (Гр. 1873. № 38. С. 1035). После обедни он обратился к послушнику монастыря и попросил провести его на могилу поэта А. С. Пушкина. Послушник отказался, «такъ какъ онъ не знаетъ могилы *какого-то поэта Пушкина*. "У насъ, правда, есть могила Пушкина — прибавилъ онъ — но не поэта, а *какого-то помѣщика*. Если

хотите, такъ я сведу"» (*Гр.* 1873. № 38. С. 1035). Могила поэта произвела на корреспондента удручающее впечатление своим запустением:

«...не доходя до могилы, еще за нѣсколько шаговъ, я встрѣтилъ цѣлый лѣсъ крапивы и репейника, чрезъ который мы съ трудомъ проложили себѣ дорогу. Надгробный мавзолей Пушкина едва былъ замѣтенъ изъ этой непроходимой чащи. Дойдя до могилы, я увидѣлъ что могила нашего великаго поэта значительно осѣла, да и самый мавзолей довольно замѣтно покачнулся на бокъ, такъ что близокъ былъ къ паденію» (*Гр.* 1873. № 38. С. 1035).

С трудом разобрав надпись на памятнике «"Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный. Къ нему не заростетъ народная тропа"...», корреспондент восклицает:

«Какая злая иронія! подумалъ я, и слеза невольно выкатилась у меня. Въ Москвѣ создаютъ тебѣ, поэтъ, памятникъ, стоящій десятки тысячъ, а мѣсто могилы твоей остается неизвѣстнымъ даже ближайшему населенію и предоставлено на произволь — бурямъ и непогодамъ, и ни одной доброй душѣ не придетъ на умъ позаботиться объ улучшеніи твоей могилы» (*Гр.* 1873. № 38. С. 1035).

Этот же случай в связи с похоронами «генерала Крылова» вспоминает А. У. Порецкий в статье «Привычки (Изъ современнаго обозрѣнія)». Атрибутирована А. У. Порецкому по гонорарной росписи: «за № 39 <...> Порецкому 14 <р.> 85 к.» [Литературное наследство: 309]. Его не удивляет этот грустный рассказ:

«...что мудренаго, что послушникъ Святогорскаго монастыря, можетъ быть безграмотный, не уразумѣлъ значенія поэта; а слово "помѣщикъ" — такое знакомое, привычное! и означаемое этимъ словомъ званіе — такое почтенное!.. "Генералъ Крыловъ", "помѣщикъ Пушкинъ" — такія понятныя, привычныя слова! Вся сила въ привычкѣ...» (*Гр.* 1873. № 39. С. 1042).

Обзоры еженедельника «Гражданин» характеризовали медийный аспект пушкинской темы издания, которые имели практический результат. В России собрали народные деньги, провели три конкурса, два из которых были фактически выбором без выбора. Эта ситуация демонстрировала не только состояние монументальной скульптуры, но и почитание памяти поэта в России. Критикам не нравились шаблонные решения. В конечном счете их суждения способствовали триумфу Пушкинского праздника 1880 г. Так исподволь складывалась концепция праздника как «событія», концепция Пушкина — поэта, пророка и «всечеловека».

Список источников

1. А. Несколько слов по поводу выставки проектов памятника Пушкину // Гражданин. 1873. № 14. С. 456–458.
2. Кохановская Н. Степной цветок на могилу Пушкина // Русская беседа. 1859. Кн. 17. Т. 5. С. 11–84.
3. <Мещерский В. П.> Петербургское обозрение // Гражданин. 1873. № 13. С. 395–397.
4. Москвич <Некрасов И. Ю.> Московское обозрение // Гражданин. 1872. № 16. С. 555.
5. <Порецкий А. У> Привычки. (Из современного обозрения) // Гражданин. 1873. № 39. С. 1041–1043.
6. <Пуцыкович В. Ф.> Еженедельная хроника // Гражданин. 1873. № 38. С. 1033–1035.
7. Чайковский М. Алексей Николаевич Апухтин: биограф. очерк // Апухтин А. Н. Соч.: в 2 т. СПб., 1895. Т. 1. С. I–XIX.
8. Ignoto. Еще о выставке моделей на памятник Пушкину // Гражданин. 1873. № 17. С. 518–523.

Список литературы

1. [Буданова Н. Ф.] Неизвестное письмо Ф. М. Достоевского к Н. Н. Страхову / публ. Н. Ф. Будановой // Русская литература. СПб.: Наука, 1992. № 1. С. 113–114.
2. Викторovich В. А. Ф. М. Достоевский — редактор «Гражданина» (1873–1874). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019. 426 с. [Электронный ресурс]. URL: http://elibrary.karelia.ru/docs/viktorovich/Dostoevskiy_redaktor_Grazhdanina_1873_1874/total.pdf (10.08.2024).
3. Гдалин А. Д., Иванова М. Р. Свидетели мировой славы (Обзор сведений о памятниках А. С. Пушкину, установленных в 1990–2001 гг.) // Временник Пушкинской комиссии. 2002. № 28 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svideteli-mirovoy-slavy-obzor-svedeniy-o-pamyatnikah-a-s-pushkinu-ustanovlennyh-v-1990-2001-gg> (06.11.2024).
4. Записная тетрадь (1872–1875) // Неизданный Достоевский: записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М.: Наука, 1971. С. 289–348. (Сер.: Лит. наследство; т. 83.)
5. Иезуитова Р. В. А. Н. Апухтин и Пушкин // Пушкин: исслед. и мат-лы / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб.: Наука, 2004. Т. XVI/XVII. С. 323–342 [Электронный ресурс]. URL: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/isg/isg-323-.htm> (10.08.2024).
6. Левитт М. Ч. Литература и политика. Пушкинский праздник 1880 года / пер. с англ. И. Н. Владимировой, В. Д. Рака. СПб.: Акад. проект, 1994. 262 с. (Сер.: Современная западная русистика.)
7. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1956–1960.
8. Николай Николаевич Страхов: философ, литературный критик, переводчик: библиограф. указ. / сост. Г. Н. Бондарева. 3-е изд., испр. и доп. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2019. 168 с.
9. Седелникова О. В. О возможных публикациях А. Н. Майкова в журнале Ф. М. Достоевского «Гражданин» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 51. С. 189–205 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vozmozhnyh-publikatsiyah-a-n-maykova-v-zhurnale-f-m-dostoevskogo-grazhdanin> (10.08.2024). DOI: 10.17223/19986645/51/15. EDN: YVAVRZ

References

1. Budanova N. F. Unknown Letter from F. M. Dostoevsky to N. N. Strakhov. In: *Russkaya literatura*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992, no. 1, pp. 113–114. (In Russ.)
2. Viktorovich V. A. *F. M. Dostoevskiy — redaktor “Grazhdanina” (1873–1874)* [F. M. Dostoevsky as the Editor of “Grazhdanin” (“The Citizen”) (1873–1874)]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2019. 426 p. Available at: http://elibrary.karelia.ru/docs/viktorovich/Dostoevskiy_redaktor_Grazhdanina_1873_1874/total.pdf (accessed on August 10, 2024). (In Russ.)
3. Gdalin A. D., Ivanova M. R. Witnesses of World Fame (Review of Information on Monuments to A. S. Pushkin, Erected in 1990–2001). In: *Vremennik Pushkinskoy komissii* [The Chronicle of the Pushkin Committee], 2002, no. 28. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/svideteli-mirovoy-slavy-obzor-svedeniy-o-pamyatnikah-a-s-pushkinu-ustanovlennykh-v-1990-2001-gg> (accessed on November 6, 2024). (In Russ.)
4. Notebook (1872–1875). In: *Neizdannyy Dostoevskiy: zapisnye knizhki i tetradi 1860–1881 gg.* [The Unpublished Dostoevsky: Notebooks and Workbooks of 1860–1881]. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 289–348. (Ser.: Literary Heritage; vol. 83.) (In Russ.)
5. Iezuitova R. V. A. N. Apukhtin and Pushkin. In: *Pushkin: issledovaniya i materialy* [Pushkin: Researches and Materials]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, vol. 16/17, pp. 323–342. Available at: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/isg/isg-323-.htm> (accessed on August 10, 2024). (In Russ.)
6. Levitt M. Ch. *Literatura i politika. Pushkinskiy prazdnik 1880 goda* [Russian Literary Politics and the Pushkin Celebration of 1880]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1994. 262 p. (Ser.: Modern Western Rusistics.) (In Russ.)
7. Masanov I. F. *Slovar’ psevdonimov russkikh pisateley, uchenykh i obshchestvennykh deyateley: v 4 tomakh* [Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scientists and Public Figures: in 4 Vols]. Moscow, Vsesoyuznaya knizhnaya palata Publ., 1956–1960. (In Russ.)
8. *Nikolay Nikolaevich Strakhov: filosof, literaturnyy kritik, perevodchik: bibliograficheskiy ukazatel’* [Nikolay Nikolaevich Strakhov: Philosopher, Literary Critic, Translator: Bibliographic Index]. Belgorod, The National Research University “Belgorod State University” Publ., 2019. 168 p. (In Russ.)
9. Sedel’nikova O. V. On the Possible A. N. Maikov’s Publications in *Grazhdanin* of F. M. Dostoevsky. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2018, no. 51, pp. 189–205. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vozmozhnyh-publikatsiyah-a-n-maykova-v-zhurnale-f-m-dostoevskogo-grazhdanin> (accessed on August 10, 2024). DOI: 10.17223/19986645/51/15. EDN: YVAVRZ (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Захарова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0426-4145>; e-mail: ovzakh05@yandex.ru.

Olga V. Zakharova, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Classical Philology, Russian Literature and Journalism of the Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0426-4145>; e-mail: ovzakh05@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 31.08.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 02.11.2024

Принята к публикации / Accepted 12.11.2024

Дата публикации / Date of publication 06.12.2024